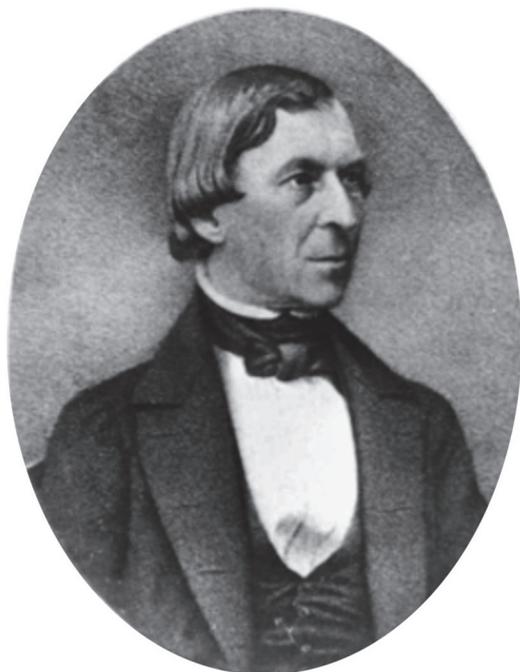

Краткий очерк жизни и трудов профессора Степана Семеновича Куторги, бывшего директора Императорского Минералогического общества¹

П.А. Пузыревский²

Императорское Минералогическое общество, празднуя свою 50-ю годовщину, конечно, с признательностью вспомнит об одном из замечательных поборников науки в России, профессоре Степане Семеновиче Куторге, который долгое время был директором Минералогического общества и оставил в летописях его глубокие следы своей энергической деятельности.

Степан Семенович Куторга родился 12 февраля 1805 года в городе Мстиславе Могилевской губернии от небогатых родителей, которые, однако, сумели дать своему сыну хорошее образование и подготовить его к блестящей ученой карьере.

В 1813 году семейство Куторги переселилось в Санкт-Петербург, где отец Степана Семеновича,

Семен Мартынович Куторга, находился тогда в гражданской службе.

Первоначальное воспитание Степан Семенович получил дома, под непосредственным наблюдением и руководством своего отца, который, однако, скончался весьма рано, именно в 1817 году.

С того времени вся забота об его дальнейшем образовании и, без сомнения, значительная доля успеха в этом деле принадлежала его матери. В 1818 году ей посчастливилось определить сына вольноприходящим в Санкт-Петербургскую губернскую гимназию (ныне 2-ю гимназию), бывшую в то время единственной в столице. В этом учебном заведении он пробыл всего два года.

В 1820 году, по представлению бывшего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, графа Сергея Семеновича Уварова (впоследствии министра просвещения), учрежден был в столице «Учительский институт» на 30 казенно-коштных воспитанников. Он помещался в доме, находившемся близ Губернской гимназии и подаренном известным ревнителем русского просвещения, римско-католическим митрополитом Богуш-Сестринцевичем, имя которого сохранилось и в летописях Минералогического общества. Воспитанниками Учительского института были одни только русские. Он содержался преимущественно доходами с подаренного дома и состоял в заведывании инспектора Губернской гимназии, известного педагога Федора Ивановича Миддендорфа (впоследствии директора Главного педагогического института). Воспитателями и учителями назначены были возвратившиеся незадолго перед тем из-за границы известные впоследствии педагоги: Буссе, Тимаев, Александр Ободовский и Свенске. В этом-то заведении Степан Семенович Куторга продолжал гимназическое свое образова-

¹ Печатается в современной орфографии по изданию: *Пузыревский П.А.* Краткий очерк жизни и трудов профессора Степана Семеновича Куторги, бывшего директора Императорского Минералогического общества // Зап. Импер. С.-Петерб. Минер. об-ва. – 1867. – Ч. 2. – С. 341–354. (Ред.)

² *Платон Александрович Пузыревский* (1830–1871) – русский геолог, профессор минералогии Санкт-Петербургского университета, статский советник. С 1861 года – секретарь Императорского Минералогического общества. (Ред.)

ние. Впрочем, Учительский институт существовал недолго. В 1823 году, по представлению тогдашнего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа – Рунича, он был закрыт в конце декабря и все воспитанники переведены во вновь учрежденную Санкт-Петербургскую гимназию (ныне 3-ю гимназию), которая была открыта в январе 1813 года и помещалась в доме, где находилось до того Пантелеймоновское училище, против Соляного городка, у Пустого рынка. Все учителя Института переведены в новую гимназию, Миддендорф назначен инспектором, а профессор Шнейдер его помощником.

Степан Семенович оставался в гимназии еще 4 года и, окончив здесь полный курс учения, поступил в январе 1827 года в Санкт-Петербургский университет по физико-математическому факультету.

Вскоре после того случилось событие, которое имело существенное влияние на развитие русских университетов и произвело решительный переворот в судьбе Степана Семеновича Куторги.

В 1828 году последовало Высочайшее повеление об избрании в университетах: Санкт-Петербургском, Московском, Казанском, Виленском и Харьковском, молодых людей (всего в 5 университетах 20) с тем, чтобы, по выдержании ими экзамена в Императорской Академии наук, отправить их в Дерптский университет, а впоследствии, по получении ими в Дерпте ученых степеней, в Германию для приготовления к занятию профессорских должностей в русских университетах.

Степан Семенович принадлежал к числу избранных и в полной мере заслуживал это отличие по своим блестящим способностям. Уже в июле 1828 года он перешел в Дерптский университет; хотя предметом его занятий была зоология, но он просил о перемещении его в медицинский факультет, вполне сознавая, сколь необходимо, для успешной разработки этой науки, основательное знание анатомии и физиологии.

Выслушав в Дерптском университете полный курс медицины и хирургии, он выдержал в 1832 году экзамен на степень доктора медицины и, по защите диссертации под заглавием «*De organis vocis et loquelae psittaci erytaci. Dorpati Livonorum*»³, утвержден в этой степени в конце 1832 года. Докторская диссертация Степана Семеновича не принадлежала к числу тех компиляций,

какими нередко являются сочинения подобного рода, имеющие целью удовлетворение известной формальности, особенно в Германских университетах, к которым, по духу своему, в то время принадлежал и Дерптский. Это был уже ученый труд, плод самостоятельного естественно-исторического исследования, сохранивший и по настоящее время свой авторитет и значение в науке и нашедший себе место в литературах зоологических учебников.

Знания, трудолюбие и самостоятельный талант Степана Семеновича обратили на себя внимание его наставников. Профессор зоологии Дерптского университета Ратке, намереваясь предпринять ученое путешествие в Крым, просил Министерство о командировании вместе с ним доктора Куторгу, который, как писал Ратке, «весьма много обещает для науки». Ратке получил на это разрешение и вместе со Степаном Семеновичем отправился в Крым через Санкт-Петербург и Москву, в декабре 1832 года. Через полгода, летом 1833 года, оба путешественника возвратились в Дерпт, и уже во второй половине того же 1833 года Степан Семенович получил в Санкт-Петербургском университете кафедру зоологии, которую занимал до того профессор Ржевский.

Плодом путешествия в Крым было впоследствии несколько статей, обогативших бедную в то время по части естественных наук нашу ученую литературу⁴. Но и тогда уже автор обнаружил в них склонность к геологическим и палеонтологическим исследованиям, и это направление осталось в нем преобладающим до конца жизни.

Склонность к геологическим наукам зародилась в нем еще в Дерптском университете.

«В течение нескольких лет, проведенных мною в Дерпте, – говорит профессор Куторга в предисловии к одному из первых своих палеонтологических сочинений, – я часто делал зоологические экскурсии в прелестных окрестностях Дерпта и каждый раз возвращался в мою рабочую комнату с богатой добычей животных и в наилучшем расположении духа. Каждый раз мое внимание более и более привлекало внутреннее строение этих прекрасных ландшафтов, и я твердо решился исследовать его точнее».

При занятиях иного рода, в продолжении университетского курса ему не удалось посвятить

³ Лат. «Голос и речевые органы серого попугая. Дерпт, Ливония».

⁴ Сочинения эти имеют заглавием: «Отрывки из путешествия моего в Крым» (напечат. в «Журнале Министерства народного просвещения», 1834) и «Описание нескольких новых видов окаменелостей из долины Салгира при Симферополе», СПб., 1834. Последнее из этих сочинений напечатано на иждивении Императорского Минералогического общества.

себя изучению этого предмета, но уже вскоре потом, летом в 1834 году, он побывал снова в Дерпте и воспользовался случаем для осуществления давно задуманного плана. Собранный им при этом материал послужил к составлению напечатанного в следующем году сочинения: «Beiträge zur Geognosie und Palaentologie Dorpats und seine nächsten Umgebungen, St. Petersburg, 1835». (Издано также Минералогическим обществом.)

Деятельность профессора Куторги как ученого и преподавателя не ослабевала до конца его жизни. Как ученый он постоянно трудился на поприще естественных наук и напечатал целый ряд сочинений, из коих некоторые будут поименованы ниже. Вместе с тем он обладал в совершенстве русским словом и был отличным литератором. Русская литература обязана ему несколькими, превосходными по содержанию и популярному изложению, зоологическими и геологическими статьями, которые помещались им в различных периодических изданиях, преимущественно в «Библиотеке для чтения» и «Журнале Министерства народного просвещения». Этого рода статьи в свое время знакомили русскую публику с многими животрепещущими вопросами естественных наук и при тогдашнем преобладании иного направления, конечно, были принимаемы ею с благодарностью и сочувствием.

К числу таких произведений можно отнести его речь, произнесенную на акте Санкт-Петербургского университета в 1835 году: «Взгляд на изучение естественной истории», которая обратила на себя особенное внимание бывшего министра народного просвещения гр. С.С. Уварова. (Она напечатана в XI книжке «Журнала Министерства народного просвещения», 1835.)

В начале своей университетской службы, кроме палеонтологии, проф. Куторга деятельно занимался зоотомией и зоологией. В 1834 году он издал на латинском языке сочинение, которое в свое время имело успех и значение, под заглавием: «Scolopendrae morsitantis anatome, observationibus zoologicis atque physiologicis illustrata. Petropoli, 1834». В 1835 и 1836 году он дважды ездил в Дерпт для пополнения собранного им прежде материала и напечатал «Zweiter Beitrag zur Palaeontologie und Geognosie Dorpats etc. St. Petersburg., 1837». (Изд. Мин. общ.) До 1842 года им изданы, кроме того, еще следующие сочинения:

«Beitrag zur Kenntniss der organischen Ueberreste des Kupfer-sandsteines am westlichen Abhange des Urals», с рисунк. St. Petersburg., 1838». (Издано Мин. общ.)

«Естественная история наливочных животных, составленная преимущественно из наблюдений Эренберга», с атласом. СПб., 1839. (Она переведена впоследствии на немецкий язык, с дополнениями, под заглавием: *Naturgeschichte der Infusionsthierie etc. Carlsruhe. 1841. Mit einem Atlasse.*)

«Einige Worte gegen die Theorie der Stufenweisen Entstehung der organischen Wesen der Erde. Bonn. 1839. 8°».

«Zur Naturgeschichte der *Phoca communis*». Помещено в «Bulletin» Московского общества испытателей природы за 1839 год.

«Zwei Beobachtungen der Knochenbrühe bei den Heerschneepfen». Помещено там же, 1839.

С 1812 года профессор Куторга помещал почти все свои специальные труды и исследования в основанном им и издаваемом под его редакцией повременном издании Минералогического общества: «Verhandlungen der Russisch-Kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg». За исключением немногих, большая часть геологического и преимущественно палеонтологического содержания.

В 1-м и 3-м томе «Записок» им были помещены описания окаменелостей, доставленных Минералогическому обществу Вангенгеймом Фон-Кваленом из известняков окрестностей реки Диомы, Белебейского уезда, из Стерлитамака и др. («1 und 2 Beitr. zur Palaeont. Russlands»).

Около того же времени Степан Семенович обратился к изучению геогностического строения и палеонтологических богатств Санкт-Петербургской губернии, почва которой была уже, впрочем, хорошо исследована Странгвейсом, Пандером, Эйхвальдом, Кейзерлингом, Мурчисоном.

В 1846 году, после того как знаменитое сочинение Мурчисона и его спутников пролило уже новый свет на геологическое строение Европейской России, профессор Куторга приступил к собиранию материала для составления подробной геологической карты Санкт-Петербургской и сопредельных с нею губерний, и в своем предприятии нашел деятельную поддержку со стороны тогдашнего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Михаила Николаевича Мусина-Пушкина. Плодом ежегодных экскурсий по Санкт-Петербургской губернии и Финляндии, которые в летние месяцы совершал Степан Семенович, как для этой цели, так и после издания геогностической карты Санкт-Петербургской губернии, был ряд палеонтологических и геологических статей, напечатанных в «Verhandlungen» Императорского Минералогического общества.

Вместе с тем он не переставал знакомить русскую публику со своими трудами в различных журналах, и можно сказать смело, что его популярные статьи, напечатанные в «Библиотеке для чтения»: «Геологический очерк дороги к водопаду Иматры, 1849» и «Геолог-путеводитель по финляндским берегам и островам Ладожского озера и Финского залива, 1851», не одному туристу подали мысль посетить гостеприимную и живописную Финляндию.

Здесь не лишне будет указать на маршруты, которым следовал профессор Куторга во время своих путешествий. Они могут служить отчасти материалом для оценки его труда и полезным указателем для будущих наблюдателей⁵.

Исследования начались в 1846 году, в Царско-сельском уезде, где он встретил полное сочувствие и деятельную поддержку со стороны предводителя дворянства А.П. Платонова, Г.М. Искурина, доктора Афанасьева и некоторых других лиц. Затем, желая определить границу девонской и силурийской систем, наш путешественник проследил речки, текущие с южного края силурийской почвы, проплыл в челноке по рекам Луге (на протяжении 60 верст), по Плюсе (40 вер.) и Нарове (60 вер.) и протянул линию своих исследований от села Рожествена на Оредеже до деревни Омуги на Нарове. Эти исследования были записаны в Нарве. Оттуда уже в лодке Степан Семенович проплыл до истока Наровы из оз. Пейнуса, где нашел пласт, наполненный несметным множеством раковин *Lingolae bicarinatae*. От деревни Скамьи, при истоке Наровы, он проехал вдоль берега до самого южного конца озера и на пути производил экскурсии по речкам Гдовке, Черме и к горе Городишу.

Оттуда он направился через Сороковой бор, (дремучий лес в 40 верст длиною) к Варшавскому шоссе, далее к озеру Врево, осмотрел западный берег Черменецкого озера и наконец прибыл в Лугу. Весьма поучительными в геологическом отношении считает профессор Куторга берега Черменецкого озера, где, по его свидетельству, развиты красный девонский песчаник (у деревни Наволака) и, девонский же, песчанистый известняк (у деревни Голубковой, на юго-западном конце озера). Зато осмотренная им часть берега р. Луш показалась ему неинтересною. Везде им были встречаемы только бугры наносного, зыбучего, желтого песка с валунами и лишь в одном месте, с версту ниже города Луги, в береговых

обрывах небольшого ручья замечены выходы снежно-белого песчаника, перемежающегося с прослойками красной и фиолетовой глины, но без валунов и окаменелостей.

Лето следующего 1847 года было посвящено преимущественно исследованию границ девонской и силурийской систем, отношению известкового туфа в деревне Пудости и обозрению местности между Царским Селом и рекой Наровой.

В 1848 году проф. Куторга путешествовал в восточной части Санкт-Петербургской губернии и посетил также Выборгскую, для ознакомления с ее кристаллическими породами, обломки которых рассеяны по северо-западной полосе России.

В 1849 им были прослежены: течение р. Тосны от устья ее до станции Тосны; реки Волхов от Грузина до Новой Ладоги; река Сясь от Ладожского озера до впадения в нее Тихвинки; река Паша от верховья ее у погоста Егорьевского до устья; река Оять от устья до верховья в границах Санкт-Петербургской губернии, и многие другие речки к югу от Ладожского озера, как то, Воронегу, Валгамы, Кабану, Лаву, Сару, Речку и проч. В это же лето было пройдено пространство на запад от Подола на р. Лаве, через Путилов, до Верхней Назьи и оттуда вверх по р. Назьи до Поречья и в заключение исследовано течение р. Мги от Турышкиной до ее устья.

В 1850 и 1851 году он предпринимал еще несколько поездок в Санкт-Петербургскую губернию и Финляндию, для проверки и пополнения собранного в течение прежних лет материала.

В 1852 году издана его «геологическая карта Санкт-Петербургской губернии», в масштабе в 10 верст в дюйме. К сожалению, к карте этой не было приложено геологического описания, так что значительная часть материала, послужившего к ее составлению, за исключением статей, помещенных в «Verhandlungen» Минералогического общества, не была обнародована. Известно, однако же, что он деятельно занимался составлением этого сочинения и доносил о том неоднократно Совету Санкт-Петербургского университета. Может быть, ему препятствовали исполнить начатое дело его дальнейшие занятия и путешествия, предпринятые с целью исследования геологического строения Эстляндии, южной Финляндии и Псковской губернии, которые он совершил в 1852, 1853 и 1854 годах.

Независимо от ученых трудов, находившихся в прямой связи с одушевлявшей его идеей состав-

⁵ Сведения эти заимствованы нами из копий с отчетов профессора Куторги попечителю учебного округа, хранящихся в деле о его службе.

ления геологического описания Прибалтийских губерний, им были изданы в течение того же периода еще следующие сочинения:

«О системе Лафатера» (Библиотека для чтения. 1845 г., сентябрь).

«Нога и рука человека» (Библиотека для чтения. 1845 г., № 10).

«Общий закон появления, существования и исчезания организмов» (Библиотека для чтения. 1850 г., № 1)».

«Естественная история земной коры. С.-Петербург, 1855».

«Химические законы образования, разрушения и превращения минеральных форм. СПб., 1851. 8°» (Библиотека для чтения. 1850 г., № 12).

«Berichte über die Fortschritte im Bereiche der Mineralogie, Geognosie, Palaeontologie und mineralogischen Chemie in Russland, für die Jahre 1851 und 1852» (Verhandlungen der R. K. Min. Gesellsch. 1853 г.)».

«О происхождении камней» (в Журнале Мин. нар. просв. 1860 г., №4).

Заслуги профессора Куторги были почтены многими учеными обществами. Еще в 1834 году (14 января) он был избран действительным членом Императорского Минералогического общества, в 1835 году (20 сентября) членом Императорского Московского общества испытателей природы и в том же году, 20 декабря, членом Данцигского общества естествоиспытателей. В 1839 году Кювьеровское общество (Société Cuvierienne) в Париже избрало его своим членом, в 1840 году (18 февраля) Общество русских врачей и Курляндское общество литературы и искусства в Митаве. В 1842 году (17 августа) он избран в члены-корреспонденты ученого комитета Министерства государственных имуществ, в 1845 Ветеринарского общества естествоиспытателей во Франкфурте-на-Майне. Наконец, в 1846 году принят в число действительных членов Императорского Вольного экономического общества.

Не менее важно, а может быть, еще и гораздо выше было значение С.С. Куторги как профессора. Поступив в Университет на службу в то время, когда преподавание естественных наук находилось у нас чуть не в зародыше, он с первого раза сумел придать интерес своему предмету и сделался любимым профессором студентов, которые видели в нем не только руководителя, но и друга, готового поддержать каждого, в ком он замечал искреннюю преданность науке.

Деятельность Степана Семеновича на поприще профессуры встречала немало препятс-

твий. Скучны были в то время в Санкт-Петербургском университете средства для занятий естественными науками. Химическую лабораторию составляла небольшая комната, где было тесно и тем немногим студентам, которые посещали тогда курсы естественного отделения физико-математического факультета. О ботаническом саде, по недостатку места и средств, не было и помину. Когда студенты обращались к профессору ботаники за разрешением вопроса, где они могут познакомиться с растениями, то он указывал на далекий ботанический сад Аптекарского острова, который в то время считался почти заповедным! «А впрочем», с грустной улыбкой прибавлял он, «книга природы раскрыта для всех» – и говорил правду. К чести тогдашних университетских деятелей надо сказать, что, несмотря на скудость средств, они умели возбудить в своих слушателях охоту к занятиям и приготовить для России целый ряд достойных натуралистов.

Каково же было при столь неблагоприятных условиях состояние зоологического кабинета. Он был действительно беден средствами, но и теми, которыми обладал, обязан преимущественно стараниям С.С. Куторги. Он собственными средствами составил весьма удовлетворительную орнитологическую коллекцию, готовил со своими учениками анатомические препараты и положил основание, не существовавшему до него в Санкт-Петербургском университете палеонтологическому собранию.

Блестящее красноречие Степана Семеновича, которым всегда увлекалась его аудитория, заставляло часто забывать неполноту демонстрации. По его мнению, задача учителя заключалась не в том, чтобы забросать слушателей подробностями и мелочами, а в том, чтобы возбудить в них интерес и любовь к предмету и обратить к самостоятельному труду. Впрочем, в то время эта задача едва ли и могла быть разрешена иначе. При малочисленности тогдашнего состава профессоров в Университете, на нем, как и на его товарищах, лежало слишком много обязанностей. Он преподавал в одно и то же время зоотомию, со включением анатомии человека, зоологию, палеонтологию – науки, для которых в настоящее время считается недостаточным ограничиться тремя или даже четырьмя преподавателями. Можно ли было и требовать после того слишком специальных курсов по всем этим, столь разнородным предметам!.. Он видел очень ясно, что у нас еще невозможно поставить преподавание на ту же степень, как в иностранных университетах, и поневоле должен был

обратиться к достижению иной цели, стараясь возвысить значение естественных наук во мнении мало знакомого с ним в то время большинства. В этом отношении, конечно, он достиг хороших результатов. Никто не станет спорить, что его университетские и публичные курсы, его популярные сочинения, которые некогда пользовались большим сочувствием образованной публики, немало способствовали к возбуждению в ней того уважения к естественным наукам, каким по справедливости может гордиться наше время.

В среде членов Минералогического общества С.С. Куторга оставил по себе много воспоминаний и заслужил их полную признательность. Еще в 1834 году он поступил в число действительных членов Общества, а в 1842 году, после профессора Якима Григорьевича Зембницкого, был избран директором Общества и сохранил это звание до последнего дня своей жизни. При вступлении его в эту должность Минералогическое общество не имело еще постоянного органа своей ученой деятельности. В 1830 и 1842 году изданы были, правда, на русском, а также на немецком языке 2 тома его «Трудов»; но они не имели характера периодического издания, а были скорее сборниками, в состав которых вошли статьи, обнародованные Обществом в различное время. Честь его основания при Минералогическом обществе принадлежит, по всей справедливости, С.С. Куторге, положившему в 1842 году начало периодическому изданию «Verhandlungen der Kaiserlich-Russischen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg», которое и до ныне сохранило свое первоначальное, строго научное, направление.

Интересы Минералогического общества С.С. Куторга защищал всегда со свойственной ему энергией. Считая Общество, на основании Высочайше дарованного ему устава, совершенно самостоятельным ученым учреждением, он никогда не допускал мысли о возможности поставить его в зависимость от какого бы то ни было административного учреждения и силою своей убедительной речи и авторитета умел отстаивать права Минералогического общества в самые трудные минуты, при самых неблагоприятных для него обстоятельствах. Теперь, пока память об этом среди членов Минералогического общества еще слыш-

ком свежа, мы считаем излишним указывать на самые факты. В будущем наши слова достаточно подтвердятся документами, хранящимися в архиве Минералогического общества.

Служба профессора Куторги в Университете, если разуместь под этим не столько его ученую и профессорскую деятельность, сколько постепенные повышения по ступеням чинов, не представляла никаких особенностей и текла своим чередом, как обыкновенно бывает в подобных случаях. Мы ограничимся здесь указанием только на главнейшие ее моменты. Поступив преподавателем зоологии в Санкт-Петербургский университет в 1833 году (16 декабря), он только в 1835 году (20 июля) был утвержден в звании экстраординарного, а в 1837 (28 марта) в звании ординарного профессора. Впрочем, служба его считалась с 1832 года, потому что путешествие в Крым, совершенное им еще до поступления на службу, было предпринято по распоряжению высшего начальства. По обязанности биографа, мы не считаем также себя вправе умолчать о служебной деятельности Степана Семеновича и вне Университета. В 1835 году он был назначен цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета и состоял в этой должности до 1848 года. В разное время, по назначению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа был инспектором частных пансионов и школ и, сверх того, несколько раз командировался для обозрения губернских и уездных училищ в Санкт-Петербургской губернии. В 1848 году он получил место ординарного профессора минералогии и геогнозии в Главном педагогическом институте и оставался в этой должности до его закрытия.

Кончина слишком рано положила предел его деятельности. Зародыш болезни, приобретенный им во время экскурсий, предпринятых для составления геологической карты Санкт-Петербургской губернии, в половине 1860 года внезапно стал развиваться в его груди. Многочисленные испытанные им в это время неудачи, при скудных средствах, которыми он располагал, подобно большей части тружеников науки в России, быстро приблизили его к могиле. Он скончался 25 апреля 1861 года, оставив по себе много благодарных воспоминаний между своими учениками.